

***МАТОНИН Василий Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 63 научных публикаций*

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО «КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА» ПООНЕЖЬЯ И ОНЕЖСКОГО ПОМОРЬЯ (опыт социально-философского анализа)

В статье предпринята попытка социально-философского анализа культурного пространства «крестьянского мира» Поонежья и Онежского Поморья на основе учения о теургии. Сформулированы дефиниции христианского культа по отношению к локальным особенностям крестьянской культуры.

***Ключевые слова:** социально-философский анализ, «крестьянский мир» как микрокосм, тринитарная культурная антропология, аксиология, теургия, локальная ментальность, социум.*

Если природа – «текст», то культура – его цитирование. Жизненный уклад каждого села, деревни, погоста имел устойчивые локальные характеристики, идею, реализуемую в диахроническом и синхроническом планах, и ее носителей – «гениев места»¹. По мере утраты территориальной и этнической идентификации, ментальные характеристики менее очевидны, но более интересны для исследования.

Русские поселенцы на берегах Онеги и Белого моря были крестьянами, т. е. христианами, православными земледельцами. Этот социальный статус определял особенности культурного пространства «крестьянского мира» на Русском Севере, где «сконцентрировались и отлились в образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа»². «Крестьянский мир» – это не отсутствие войны, а

устройство мира на основе тринитарного понимания микрокосма культурного пространства.

Духовность детерминирует многообразие социальных и философских аспектов религиозно-культурного уклада северного крестьянства. По мнению Н.А. Бердяева, культура есть производное от религиозного культа, «результат дифференциации культа, развертывания его содержания в разные стороны»³. Исследование процесса и результатов материального производства является одновременно постижением духовной жизни народа»⁴.

От религии зависят избираемые народом формы правления, экономическая деятельность, аксиология и повседневная жизнь⁵. Развивая идеи о. Павла (Флоренского) об онтологической связи культа и культуры, современный православный богослов игумен Ан-

дроник писал: «В человеческой деятельности различаются три основных стороны: теоретическая (мировоззрение), практическая (хозяйство) и литургическая (культ). Независимые друг от друга, они возникли путем распада некогда единой деятельности, теургии, в основе которой и лежит собственно культ, священнодействие. Культ – средоточие культуры»⁶.

Теоретическая база учения о теургии разработана в трудах В.Н. Топорова и классиков русской религиозно-философской мысли: В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева.

Комплексное изучение культурного пространства и локальной ментальности северного крестьянства невозможно без обращения к трудам А.Ф. Лосева⁷, В.В. Зеньковского⁸, А.Я. Гуревича⁹, В.Н. Топорова¹⁰, Н.М. Теребихина¹¹, Ю.А. Линника, рассматривающих культуру как ценностно-смысловое единство, имеющее внутри себя сложные имманентные связи.

Если исходить из сложившихся в социальной философии представлений о том, что «чистая религиозность» неопределима и познается в «контексте деятельности человека и социума»¹², то возможны частные проявления религиозности в пределах локальных этнокультурных и социальных групп. Формы религиозной жизни населения могут быть сходными, но это не означает их полного единообразия и тождественности¹³.

По мнению Т.А. Бернштам, «универсальная черта (признак) любого порядка – его локальность, являющаяся следствием не только объективных – внешних («вещественных») различий в этносоциокультурных и этноконфессиональных процессах, но и субъективных – внутренних мировоззренческих различий, обусловленных онтологически присущей человеку или сообществу локальной ментальностью»¹⁴.

Тенденции к секуляризации общественной жизни, получившие импульс в середине XVII века, активно и разрушительно действуя в XVIII и XIX столетиях, привели к инверсиям в социальной жизни и философских воззрениях северного крестьянства. В начале XX века

религиозно-культурный уклад сельской жизни на Русском Севере достиг полноты развития и начал лавинообразно модернизироваться в сторону универсальности¹⁵.

Размывание границ культурного пространства «крестьянского мира» происходило на фоне укрупнения территориально-административного деления в Архангельской губернии¹⁶.

В начале XX века возрастало значение товарно-денежных общественных отношений. Широко распространяются отходничество. Усиливается значение лесной промышленности. Движущей силой социальных перемен были сельская интеллигенция, ссыльные, молодежь и демобилизованные солдаты¹⁷.

Наиболее ярко классовые противоречия выражены в Олонецкой и Вологодской губерниях. В Поонежье соборные жизненные основания оказались настолько значительны, что в селе Верховье, например, раскулачивание оказалось невозможным. В Онежском Поморье, где противостояние официальной церкви и староверов, правительства и промышленников приобрело устойчивый характер, политическая борьба в 20–30-е годы складывалась особенно остро.

Исследуемую территорию можно условно разделить на природно-ландшафтные зоны, где сложились морской и земледельческий типы хозяйствования¹⁸. «Земледельческий» хозяйственный тип – Поонежье (берега и притоки реки Онеги), «морской» – Онежское Поморье (Поморский и Онежский берега Онежского залива Белого моря). Занятия морскими или озерными промыслами сочетались с земледелием, скотоводством, охотой и ремеслами. Основанием для типологических характеристик служит хозяйственная доминанта.

Рискованные условия для хлебопашества требовали от сельских жителей предельных физических и духовных усилий. Религиозность крестьян формируется на основе их связи с «полем» – сакральным пространством, где происходит испытание, поединок, «прение живота и смерти», где испытываются духовно-нравственные основания человека¹⁹. Обработанная

земля («куда рука ходила») у земледельцев соотносится с образом «моря» в представлениях промышленников Онежского Поморья: «Наше море – наше поле».

Суровость, красота и величественность природы, распахнутой в сторону моря, требуют от человека соответствия окружающим его условиям. Север формирует в людях особые, надэтнические качества, являясь территорией диалога «культуры моря», «культуры поля» и «культуры леса»²⁰. Морские просторы не могут не отразиться в широте и глубине внутреннего мира людей, отбираемых и формируемых севером на протяжении многих столетий.

В XIX веке Онежское Поморье (Ворзогоры, Нименга, Кушерека, Малошуйка, Унежма) нередко характеризуются как «гнездо раскола». Религиозность промышленников приобретала интимные формы религиозных обетов, паломничества, келейничества, скрытничества. Мироззрение жителей Онежского Поморья Поморского отличалось личностным, индивидуальным характером. Местных жителей отличали суровое мужество, наблюдательность, спокойствие перед лицом опасности («мы привычны»), упование на заступничество «скорого помощника» Святителя Николая, преподобного Варлаама Керетского, Зосимы и Савватия Соловецких.

Лесная зона Поонежья воспитывала в местных жителях социокультурный комплекс «закрытости» по отношению к «чужим», подчеркнутого традиционализма, склонности к архаическим орудиям труда и средствам производства. Жителям земледельческих районов Поонежья (Верховье, Сырья, Анциферовский Бор, Павловский Бор и т. д.) свойственен коллективизм, а в духовном плане – соборность. Старики жаловались, что «праздников много». Работать в праздники запрещалось – «все равно прорвет». С каждым праздником связаны сельскохозяйственные приметы: «Два Егория одной дорогой не ходят», «На Иванов день – цвет, на Ильин день – хлеб», «Если Вербница с вербами, Троица – с листьями, Илья – с просвирию», «На Мокеев день дождик и на говенье

дождик», «Егорий с водой – Никола с травой». С годовым кругом крестьянских праздников соотносится не только цикличность земледельческого труда, но и основные этапы человеческой жизни: от рождения («Рождества») до успения («сна в жизнь вечную»). Работа на земле – «тягло» воспринималась как «крест», который нужно нести до могилы. «В поте лица снеси хлеб свой, дондеже возвратишься в землю, от нея же взят еси»²¹. Праздники напоминали, что цель христианского труда в «обожении», в созидании духа. «Труд, подкрепляемый молитвами, и молитвы, сопровождаемые благим трудом, могут привести ко спасению души, к которому прежде всего и больше всего должны стремиться трудящиеся»²².

Покорность земледельцев и сознание необходимости нести свой крест имели, по меньшей мере, два полюса. С одной стороны – упование на русское «авось» («чему быть, того не миновать», «кривая вывезет», «по грехам и наказание»), а с другой – послушание как одну из главных добродетелей: скромность и смиряемую гордыню свободного человека, который называет себя «раб Божий».

В Онежском Поморье земля не был основным экономическим ресурсом, но поморы не оставляли занятия земледелием, которое ложилось на женские плечи. Мужчины из Ворзогор, Кушереки, Малошуйки, Нименги, Унежмы уходили на Мурман за рыбой или «в Норвегу» по торговым делам: «Онега – та же Норвега». На женщин возлагалась непосильная эмоциональная и физическая нагрузка: ответственность за детей, за дом, хозяйство. «Иду в поле, дети – в доме. Мать-Богородица с детишками водится».

В Поонежье наличие в семье тягловой (государственной) земли «на душу» (по количеству работников мужского пола) определяло степень материального благополучия. Семьи, где рождались девочки или не было мужчин, находились в неравном положении, которое частично компенсировалось взаимопомощью и делами христианского милосердия. Условия жизни зависели также от наличия «чищанин»,

«росчистей» – участков земли, освобожденной от мелколесья и налогом не облагаемой.

Известный собиратель эпической поэзии А.Ф. Гильфердинг обратил внимание на консерватизм северных крестьян. Он писал: «Верность старине такова, что она препятствует даже тем нововведениям, которых польза очевидна и которые приняты по всей России»²³. Объясняя причину этого феномена, автор называет «свободу» и «глушь». С рациональной точки зрения трудно понять причины приверженности северных землепашцев к сохе, горбуше и трехпольной системе. Иррациональность объяснима с точки зрения духовных мотивировок²⁴. Традиция придала архаическим формам земледелия статус обряда, где трехпольная система обусловлена представлениями о Пресвятой Троице, работа горбушей – необходимостью молитвенного поклона («просим милости»), соха соотносится с «копием» – священным атрибутом при подготовке к таинству евхаристии. Проходя мимо работающего, крестьяне здоровались: «Бог помощь!». Ответ на приветствие: «Прощу милости!»

Понятие «страда» (время работы на поле и на сенокосе) связано со словом «страдать», т. е. испытывать трудности – сораспинаться с Христом, что является необходимым условием спасения («Бог терпел, и нам велел»). Когда убирали сено, говорили – «сено страдают». Духовная радость обреталась через страдания тела. В совместной работе складывались и утверждались представления о сострадании, сочувствии, соборности. Взаимопомощь была важным условием выживания в экстремальных для земледелия условиях.

На одну корову требовалось в год «семь заколин» сена. «Заколина» – 300–400 кг. Сельское хозяйство на севере было комплексным. Земледелие невозможно без скотоводства, потому что земля требовала удобрений («Корова на дворе – хлеб на столе»).

Для русского человека и сегодня труд – это не только полезная деятельность, но прежде всего возможность реализовать недекларированные внутренние потребности, творческие

возможности, оставить о себе добрую память, помочь ближним, что в духовном смысле «рифмуется» со спасением души. Труд ради денег в разговорной лексике определяется понятием с негативным оценочным значением – «халтура».

Торговля в «медвежьих углах» была развита слабо. Все необходимое для жизни крестьяне изготавливали «своедельно». Сами обрабатывали кожу, шили обувь, изготавливали из глины посуду, кирпичи, шили лодки, вываривали соль. Особенности специализации определялись наличием на данной территории необходимых для ремесла природных ресурсов. Профессиональные навыки передавались по наследству. Знания отождествлялись с практикой: если «знаю», значит «умею». Труд был свободным и творческим. Творчество приучало мастеров к переживанию сопричастности к творению мира, созиданию лада – гармонии: единству многообразия, которое возможно только в истине и в любви. В крестьянском понимании красота подразумевает божественность, как этическую и эстетическую категорию. Обезличивание труда впоследствии обозначит проблему качества исполняемой работы.

Представления о христианской соборности воплотились в образе крестьянской общины. «Соборный» – единый во множестве, всеединый: «понятие, означающее целостность церковного организма»²⁵. Русский философ А.С. Хомяков определил соборность как собрание людей, соединенных жизнью во Христе. Община объединяла земледельцев не только по месту жительства, но прежде всего вокруг приходского храма. Прихожане исповедовались у одного батюшки, который умел, как правило, дать нужный совет и пользовался у прихожан значительным авторитетом. Роль церкви как духовного центра была особенно сильна в Поонежье. В малоземельных уездах Каргополя и Вологодчины, где классовые противоречия и социальное неравенство были наиболее очевидны, критическое отношение крестьян к государственной власти накладывалось на восприятие духовенства как представителей государства на местах. В Онежском Поморье

крестьянская община не имела такого значения в сельской жизни, как земледельческих районах Русского Севера. Высшим органом власти у «земледельцев», в отличие от «промысловиков», был мирской сход, или «сходка», где рассматривались все общие вопросы: где разрешить хозяину строить дом, на каком наволоке начинать косить, что и на каких условиях нужно сделать сообща.

Развитию общинных сторон жизни в Понежье способствовали родственные связи. В древних селах встречаются 2–3 коренные фамилии. В Сырье, например, до начала 90-х годов жили исключительно Воробьевы. Деревенская община была большой семьей, где считались нормой взаимопомощь и взаимовыручка. Если вдова просила лошадь для того, чтобы вспахать землю, считалось безнравственным ей в этой просьбе отказать. Работа «в помощь» не считалась формой эксплуатации чужого труда.

В крупных селах был страховой фонд зерна на случай неурожая, пожара или несчастного случая – «магазья». Страховым фондом зерна заведовал староста, избираемый из числа наиболее уважаемых крестьян. Взятые для личных нужд зерно возвращалось в условленное время и в том же количестве. Взять что-либо чужое или обмануть – «стыда боялись». Общественное осуждение было высшей мерой социальной защиты. В наказание за какой-либо особо безнравственный проступок виновному по соборному решению могли продеть в рукава грабли и в таком виде провести по селу. Это была пародия «крестного пути», указание на то, преступник преступил христианский закон.

Распространению воровства противостояло также убеждение, что на незаконно присвоенной вещи могут оказаться чужие «бесы». Поэтому дома не запирались на замок. Если хозяев нет дома, то у входа можно было увидеть трость или грабли, подпирающее дверь.

Работы, имеющие значение для всех жителей села, исполнялись в строгой очередности трудоспособного населения. Дежурство устанавливали с помощью «передаточной палки»,

на которой каждый хозяин по окончании дежурства вырезал свое клеймо. На собрании общины принимались наиболее важные хозяйственные решения: сколько хлеба сдавать в магазею, кого «обряжать в пастухи», сколько платить «с коровы», где поставить изгороди или «мосты». Община не сковывала инициативы личности, не принижала ее значения.

Глава семьи олицетворял в себе духовную и светскую власть. Семья и община были звеньями в системе самоуправления. Они представляли собой горизонтальные связи в монархическом государстве. Догмат об исхождении Святого Духа от Бога Отца («...И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящего...») проецировался в представлениях крестьян о самодержавии как единственно возможной форме правления.

Крестьянские семьи состояли из 10–15 человек. Крестьяне строили двухэтажные пятистенки на подклетах со взвозом на сеновал. Несущая балка кровли и килевая часть поморского судна называются одинаково – матица. В Кенозерье такие хоромы были редкостью, а на Вологодчине – исключением. Архитектурный образ северного дома напоминает корабль и библейский ковчег, где рядом жили люди и домашние животные – «каждой твари по паре». Две-три коровы, одна-две лошади, десять-пятнадцать овец. До колхозов не было традиции держать свиней. Нечистоплотность делает свинью символом легкомыслия и пренебреженья благодатью²⁶. Мифологические в преданиях индоевропейских народов приписывают свинье такое же влияние на земледелие и урожай, какое сравнимо с грозowymi тучами. Их бурное дыхание «поднимая пыль и сокрушая деревья, роет землю»²⁷. Народная память сохранила образ татарского войска, которое, словно гроза, налетало на древнерусские города. В селе Верховье, где ругаться матом считалось в высшей степени неприличным, слово «татарин» воспринималось как отрицательная оценочная характеристика. П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг записали на севере киевские и новгородские былины, песни, духовные стихи²⁸.

Крестьяне уважительно обращались друг к другу – по имени и отчеству, к женщинам – по имени. Имена давали в соответствии со святыми. Верили в то, что имя в значительной степени влияет на характер и судьбу человека²⁹.

Идеал соборности определял своеобразие крестьянского отношения к собственности. Основным экономическим ресурсом была земля, не облагаемая налогом: «чищанины» и «росчисти». Эти пашни или сенокосы нередко становились причиной конфликтов между соседями. Следует отметить амбивалентное отношение к материальным ценностям. Имущество воспринималось как препятствие в стяжании благодати («Не можете служить Богу и маммоне»), но чувство справедливости требовало перераспределения жизненных благ: «русского бунта», «революции», «обнуления» ценностно-смысловых приоритетов.

В личном и общинном владении был дефицит пахотной земли и сенокосных угодий. Составная часть частного землевладения занимала 0,03 %. Надельные крестьянские земли составляли 0,4 %³⁰. В невыгодном экономическом положении находились семьи, потерявшие кормильцев во время войны или же не имевшие детей мужского пола. В 1917–1920 годах имущественное неравенство побуждало активистов из молодежи и демобилизованных солдат к стремлению поделить землю «по справедливости» – по количеству едоков.

В 1914–1918 годах катастрофически нарастало недоверие народа к правительству и официальной церкви. Священники нередко отождествлялись с государственными чиновниками. Между тем, среди духовенства Вологодской губернии появляется немало молодых людей, остро осознающих необходимость перемен в деревне и помогающих своей пастве разумно организовывать хозяйственную деятельность: вводить агротехнические новшества, пчеловодство, создавать кооперативы и кассы взаимопомощи. В сельской местности на Вологодчине был велик интерес к социальным преобразованиям. Коммунизм для атеистов – это свобода от власти и религии, для обновленцев – возврат к

идеалам равенства и братства, свойственных крестьянству. Революция в деревне имела ярко выраженное духовное содержание и на первом этапе объединила все силы, по разным причинам оппозиционные государственной власти: молодежь, не желающую жить по-старому и работать столь же напряженно, как их родители, ссыльных, бедняков, староверов, сельскую интеллигенцию. Каждая социальная группа в результате модернизации религиозно-культурного уклада надеялась решить свои экономические и политические задачи. Кратковременная либерализация жизни и опьянение свободой привели к похмелью смуты и катастрофе Гражданской войны. В Онежском Поморье социальная активность была наиболее интенсивной и политизированной. Враждующие стороны стремились «разбудить» крестьянство и втянуть его в классовую борьбу. В целом Гражданская война имела локальный вялотекущий характер. В Поонежье «белые и красные в одних окопах цигарки курили».

Укрупнение территориального деления облегчало административное управление волостями и подразумевало размывание представлений о собственности: о земле «своей» («куда рука ходила») и «чужой». «Все вокруг советское, все вокруг мое» и, следовательно, – ничье. Пусть лучше «ничье», чем моего соседа. Феномены общинного сознания вне идеала соборности, как выражения христианской любви, оправдывают «передел» как норму жизни: «Если от многого взять немножко, то это не кража, а дележка»; «Что с возу упало, то пропало». Стремление к единому умонастроению при потенциальной готовности к расколу разделяло общину, а затем и общество в целом на «чужих» и «своих»: бедняков-кулаков, большевиков-меньшевиков, врагов народа и социально близких. Дробление общества на «лишенцев», «нетрудовых элементов», «служителей культа», «уклонистов», «оппортунистов» позволяло легко манипулировать общественным сознанием. Советская пропаганда навязывала обществу идею борьбы с внутренними и внешними врагами, перед лицом которых необходима мобилизация сил и трудовых резервов.

В механизме памяти участвуют забвение и отбор информации. При смене идеологии традиционные ценности «обнуляются», что порождает, с одной стороны, нигилизм, отсутствие желания жить и действовать, с другой – неукротимую разрушительную энергию. В результате «культурной революции» начала 20-х годов крестьянская (христианская) вера замещалась коммунистической идеологией. Культовые здания становились культурными учреждениями – клубами и школами. Место икон заняли портреты советских вождей. Для строителей нового мира светлое будущее неизмеримо значительней «темного прошлого». Воспитанное христианством эсхатологическое мироощущение побуждало молодежь к самопожертвованию во имя счастья человечества. Соборность трансформировалась в коллективизм, исповедальность – в наущничество. Перемены в хозяйственной сфере жизни происходили одновременно с раскулачиванием

и коллективизацией начала 30-х годов. Разорение деревенских храмов, репрессии по отношению к «попам» и «кулакам» опрокинули расшатанные устои деревенского мира. Все новое – «хорошо», все старое – «плохо». Предпринимаются попытки выращивать новые для севера культуры (турнепс, пшеницу) и осваивать нетрадиционные технологии. Полиресурсная экономика, основанная на сочетании земледелия и скотоводства, промыслов и ремесел с отходничеством и лесным делом сменилась безудержной эксплуатацией лесных богатств Севера. Остальные виды деятельности со временем принимали рудиментарный характер.

Современному обществу нужна «точка сбора» – идеология, основанная на высоких идеалах. Абсолютные ценности нельзя придумать и навязать, но можно выстрадать и вспомнить. Материальные (культурные) духовные (культовые) формы крестьянского быта и бытия неразделимо соединяются в традиции как прообразе вечности.

Примечания

¹ Матонин В.Н. Архетипы христианского культа в крестьянской культуре Поонежья в XIX – начале XX вв. // Свеча-97: сб. методол. и метод. материалов по религиоведению и культурологии. Архангельск, 1997. С. 217–229.

² Чистов К.Н., Бернишам Т.А. Введение // Русский Север: Историко-этнографический сборник. СПб., 1992. С. 4.

³ Бердяев Н.А. Воля к культуре и воля к жизни // Творчество. № 4. 1990. С. 14.

⁴ Кузнецов С.В. Религиозно-нравственные основания русского земледельческого хозяйства // Православие и народная культура. № 1. 1994. С. 98.

⁵ Отец Александр (Борисов). Побелевшие нивы. М., 1994. С. 149.

⁶ Отец Андроник. Русская духовность в жизни преподобного Сергия и его учеников // Богословские труды. № 29. М., 1989. С. 236–237.

⁷ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

⁸ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996.

⁹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

¹⁰ Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. М., 1989. С. 4–17.

¹¹ Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

¹² Панченко А.М. Народное православие. СПб., 1998. С. 11.

¹³ Бернишам Т.А. Локальные группы Двино-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К проблемам локальных групп. СПб., 1995. С. 12.

¹⁴ Бернишам Т.А. Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 331.

¹⁵ Кортаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в северном крае в 30-е годы XX вв. Архангельск, 2004. С. 112–118.

¹⁶ Матонин В.Н. История от первого лица. Мир северной деревни в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск; М., 2011. С. 356–359.

¹⁷ Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья. Архангельск; М., 2011. С. 15–22.

¹⁸ *Матонин В.Н.* Методологические аспекты экзегезы «северного текста» // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. № 3. 2009. С. 84–91.

¹⁹ *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 6, 12.

²⁰ *Матонин В.Н.* «Онежское Поморье» как этнокультурное понятие // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. № 6. 2010. С. 81–85.

²¹ Библия, Быт., 3:19.

²² Достоверные сказания о подвижничестве святых отцов. М., 1845. С. 3.

²³ *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. 11.

²⁴ *Отец Александр (Мень).* История религии. М., 1994. С. 17.

²⁵ Христианство. Словарь. М., 1994. С. 438.

²⁶ *Нюстрем Э.* Библейский словарь. СПб., 1995. С. 494.

²⁷ *Афанасьев А.Ф.* Древо жизни. М., 1994. С. 170.

²⁸ Онежские былины. Архангельск, 1983. С. 17.

²⁹ *Отец Павел (Флоренский).* Имена. Малое собр. соч. Вып. I. Кострома, 1993. С. 34.

³⁰ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. I. СПб., 1895. С. 6.

Matonin Vasily Nikolaevich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

**«PEASANT WORLD» CULTURAL AREA OF POONEZHIE
AND THE ADJACENT COASTS
(Sociophilosophical Analysis)**

The article presents a theurgy-based attempt of a sociophilosophical analysis of the «peasant world» cultural area of Poonezhie and the adjacent coasts. Definitions of Christianity in relation to local characteristics of peasant culture are given.

Key words: *sociophilosophical analysis, «peasant world» as a microcosm, Trinitarian cultural anthropology, axiology, theurgy, local mentality, society.*

*Контактная информация:
e-mail: matoninv@yandex.ru*

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова